

DOI 10.15826/qr.2018.1.284

УДК 94(470)"17"+35.077.1(09)+929Петр(470)*I+930.2

**РОЛЬ БАРОНА А. Х. ЛЮБЕРАСА
В КОЛЛЕГИАЛЬНОЙ РЕФОРМЕ ПЕТРА I:
НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ***

Артур Мустафин

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

**NEW INFORMATION ABOUT BARON
A. CH. LUBERAS AND HIS ROLE IN THE COLLEGIATE
REFORM OF PETER I****

Arthur Mustafin

Higher School of Economics,
Moscow, Russia

Baron Ananias Christian Pott von Luberas, who served as the vice-president of the Collegium of Mining and Manufacturing, was the author of a significant number of drafts and notes. In the historiography, his role in the collegiate reform has received controversial assessments, although most of his writings have not been the focus of research. This article is based on a wide range of archival sources from the funds of AFPRE (AVPRI), RSAAA (RGADA), and DM RSL (OR RGB). The author managed to identify new documents that contain previously unknown facts about the biography of Luberas. A textual analysis of the identified copies of his works enables the author to conclude that his projects were translated only in the mid-1770s. A comparative analysis of the legislation of the Petrine era and Luberas' projects shows that his ideas influenced the establishment of systems for collegiate paperwork and for relationships between collegia and other institutions, rather than the drawing up of the regulations of Peter's collegia. There is no reason to either deny the influence of the baron's ideas on the

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2017 г. Автор выражает благодарность И. И. Федюкину, Г. О. Бабковой.

** *Citation*: Mustafin, A. (2018). New Information about Baron A. Ch. Luberas and his Role in the Collegiate Reform of Peter I. In *Quaestio Rossica*, Vol. 6, № 1, p. 99–113. DOI 10.15826/qr.2018.1.284.

Цитирование: Mustafin A. New Information about Baron A. Ch. Luberas and his Role in the Collegiate Reform of Peter I // *Quaestio Rossica*. Vol. 6. 2018. № 1. P. 99–113. DOI 10.15826/qr.2018.1.284 / Мустафин А. Роль барона А. Х. Любераса в коллегиальной реформе Петра I: новые документы // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 1. С. 99–113. DOI 10.15826/qr.2018.1.284.

reforms of Peter I or to consider it as being overly significant, since there are no documents about the discussion of Luberas' writings in the Senate, collegia, commissions, and generally among political elites. At the same time, these works are interesting not only in connection with discussions about the influence of foreign experience on the reforms of Peter I, but also in the context of the history of social thought in Russia. The quite voluminous discourses by Luberas contain many ideas, which, although never realised in Peter's time, became relevant later. Thus, his notes and projects expand established ideas about the history of statistics in Russia. The paper demonstrates that the main issue Luberas focused on was the organisation of accounting and the collection of statistical information.

Keywords: Peter I's reforms; collegiate paperwork; collegia; Ananias Luberas; Johann Luberas; Heinrich Fick; A. A. Kurbatov.

Барон Ананиас Христиан Потт фон Люберас, служивший вице-президентом Берг-мануфактур-коллегии, является автором значительного числа проектов и записок. В историографии его роль в коллегиальной реформе Петра I оценивается противоречиво, а большая часть его сочинений осталась вне внимания научного сообщества. Представленная работа основана на широком круге архивных источников из фондов АВПРИ, РГАДА, ОР РГБ. В частности, удалось выявить новые документы, сведения которых сообщают не известные ранее факты о биографии А. Х. Любераса. Текстологический анализ выявленных списков его сочинений позволил сделать вывод, что его проекты были переведены только в середине 1770-х гг. Сравнительный анализ проектов А. Х. Любераса и законодательства Петровской эпохи показывает, что его идеи повлияли не столько на составление регламентов петровских коллегий, сколько на учреждение в России системы коллежского делопроизводства, взаимоотношения между коллегиями и другими институтами государственной власти. Нет оснований отрицать влияние идей барона на реформы Петра I, как и признать его существенным, поскольку пока не известны какие-либо документы, свидетельствующие об обсуждении сочинений Любераса, его регламентов в Сенате, коллегиях, комиссиях и вообще в среде политической элиты. Вместе с тем, эти сочинения вызывают интерес не только в связи с дискуссиями о влиянии иностранного опыта на преобразования Петра I, но и в контексте истории общественной мысли в России. Весьма пространные рассуждения А. Х. Любераса содержат немало идей, которые хотя и не были реализованы в то время, позднее стали актуальными. В частности, его записки и проекты расширяют устоявшиеся представления об истории статистической мысли в России. Показано, что главная проблема, на которую обращал внимание А. Х. Люберас, это организация учета и сбора статистических сведений в России.

Ключевые слова: реформы Петра I; коллежское делопроизводство; коллегии; Ананиас Люберас; Иоганн Люберас; Генрих Фик; А. А. Курбатов.

Барон Ананиас Христиан Потт фон Люберас (ок. 1651–1722) – один из самых плодотворных «проектировщиков» Петровской эпохи. Большая часть его проектов (31), касающихся именно коллегиального устройства Российского государства, были переведены на русский язык в XVIII столетии [РГАДА. Ф. 16, Оп. 1. Д. 171; Ф. 342. Оп. 1. Д. 227. Ч. 6; РГБ ОР. Ф. 178. Д. 2847]. Однако историкам фактически известно содержание только двух его записок, которые позволяют ознакомиться «в общих чертах с тем образцом, который предстояло ввести в России» [Милюков, с. 429–430], а также с проектом регламента Берг-коллегии, вице-президентом которой и являлся А. Х. Люберас. Остальные его сочинения – «регламенты» и «учреждения», написанные им для каждой коллегии и конторы, остаются вне поля исследовательского внимания. Ограничиваясь столь скудными сведениями о бароне и его идеях, историки совершенно по-разному оценивали его роль в коллегиальной реформе Петра I. Обратившись к анализу забытых текстов, а также не известных ранее документов, попытаемся ответить на вопросы о судьбе Любераса и его проектов в России.

Впервые на сочинения барона обратил внимание Э. Н. Берендтс [Берендтс]¹. Обильно цитируя подготовленное Люберасом в 1719 г. «Всепоподданнейшее рассуждение о исправленном короля Каролуса XI шведском государственном домостроительстве...», историк познакомил читателя с рассуждениями барона об основных функциях коллегий². При этом он замечал, что Люберас «вполне самостоятельно отнесся к Шведскому образцу, с другой же стороны, мы не видим и сходства с петровскими коллегиями, учрежденными за год тому назад» [Там же, с. 7]. Вместе с тем, историк обратил внимание на то, что в своем проекте барон «ни одним словом не упоминает» Сенат, но о Тайном совете «часто говорит, не входя в подробное рассуждение его роли и значения» [Там же, с. 18]. К сожалению, Э. Н. Берендтс посчитал, что «входить подробно в рассмотрение каждого отдельного регламента и устава невозможно, это потребовало бы слишком много времени»³ [Там же, с. 20]. При этом он сделал необоснованное заключение: «содержание этих регламентов и уставов почти совсем сходно с регламентами, находящимися в ПСЗ» [Там же], то есть настаивал на том, что барон Люберас сыграл главную роль в коллегиальной реформе Петра I.

¹ Э. Н. Берендтс обнаружил переводы сочинений Любераса в Архиве Кодификационного отдела Государственного совета. Как удалось установить, ныне этот список находится в фонде «Комиссия о сочинении Нового Уложения» Российского государственного архива древних актов [РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 227. Ч. 6. Л. 1–146].

² Люберас составил «генеральные регламенты» для Камер-, Берг-, Юстиц-, Мануфактур-, Коммерц-, Полицейской, Экономической, Дирекционной, Адмиралтейской, Военной коллегий и Коллегии иностранных дел. Также им написаны «регламенты» для находившихся в ведении Камер-коллегии Конторы дворцовых волостей, Таможенной камеры, Провиантской конторы, Штатс-конторы, Конторы государственных доходов, Ревизион-конторы.

³ Объем переведенных текстов Любераса составляет 6,5 авторских листа.

Практически одновременно с Э. Н. Берендтсом к текстам барона обратился П. Н. Милюков⁴. Однако в центре внимания историка оказалась только «Реляция о учрежденной королем Каролусом XI форме шведскаго государственнаго правления...», а также упомянутое «Всепоподданнейшее разсуждение...» [Милюков, с. 429–435]. Скромно представленный анализ регламентов Коммерц-, Берг-, Мануфактур-коллегий, сочиненных Люберасом, скорее позволил П. Н. Милюкову заявить, нежели доказать существование следов влияния идей барона на составление итоговых регламентов этих коллегий [Там же, с. 449–451]. Сдержанную оценку роли Любераса в реформе Петра I историк объяснял тем обстоятельством, что барон представил свои проекты «черезчур поздно» и лично «не имел ближайшего участия» в составлении регламентов петровских коллегий, за исключением Берг- и Мануфактур-коллегии [Милюков, с. 428–429].

Э. Н. Берендтс и П. Н. Милюков оказали такое заметное влияние на историографию проблемы, что в исторической литературе деятельность барона Любераса оценивалась, как правило, на основе сведений, представленных в их работах [Павлов-Сильванский, с. 65–66 (4-я паг.); Бабурин, с. 52–53; Некрасов, с. 342–343; Анисимов, с. 113–114; Козлова, с. 78–82; Leontief, р. 245–246 и др.]. Обратившийся же к архивным материалам Н. И. Павленко стремился доказать «несостоятельность утверждений буржуазных историков о влиянии иностранных правоведов на организацию» Берг-коллегии в России [Павленко, с. 161]. К. Петерсон, хотя также обратился к анализу архивных материалов, сконцентрировал свое внимание на тех же сочинениях барона, что и Милюков [Peterson, р. 82, 318, 375]. Особого внимания заслуживает работа советского историка Н. А. Воскресенского «Петр Великий как законодатель», изданная в 2017 г. Автор монографии раскритиковал П. Н. Милюкова за преувеличение роли А. Х. Любераса в законодательном процессе⁵. Критика Н. А. Воскресенского основывалась на строгом методологическом подходе к определению источников правотворчества Петра I [Воскресенский, 2017, с. 463]. Так, историк писал, что те нормы Берг-привилегии, на которых акцентировал внимание П. Н. Милюков, «были установлены еще при Алексее Михайловиче» [Там же, с. 559]. С одной стороны, заметим, что Н. А. Воскресенский так и не познакомил читателя собственно с идеями Любераса. К сожалению, в монографии последнее упоминание о нем звучит так: «...более подробно о Люберасе и его влиянии [на] выработку русских законов скажем немного ниже» [Там же]. С другой стороны, крупнейший знаток петровского законодательства был небеспристрастен: в его работах явно отражалось пиететное отноше-

⁴ П. Н. Милюков работал с оригинальными текстами А. Х. Любераса, написанными на немецком языке. Ныне эти документы находятся в фонде «Архив барона Любераса» АВПРИ.

⁵ Заметим, что Н. А. Воскресенский не был знаком с упомянутой работой Э. Н. Берендтса, который, бесспорно, преувеличивал значение проектов барона.

ние к личности Петра I и его государственной деятельности [Серов, р. 224]. Поэтому мы не можем полагать, что Н. А. Воскресенский поставил точку в дискуссиях о роли Любераса.

В ходе исследования удалось выявить новые свидетельства о биографии Любераса – в сенатских делах [РГАДА. Ф. 248. Кн. 654. Л. 112-174; Кн. 521. Л. 83-84] и неизвестной ранее записке о наследниках умершего Любераса-сына [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2910]. Барон «родился [на] Шлойской земле» (в Силезии) [РГАДА. Ф. 248. Кн. 654. Л. 112]. Он служил в Швеции «капитаном и женился на лифляндской дворянке, с которою прижил два сына и дочь» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2910. Л. 1]. В Лифляндии же он «католический закон оставил, а принял лютеранской» [Там же. Л. 1 об.]. После смерти жены вскоре он уволился со шведской службы и отправился в Силезию, а «те два сына на их собственную фартуну оставил» [Там же. Л. 1]. Старший сын Иоганн выслужился до поручика в Дании, а затем стал служить в России. Встреча отца и сына произошла в 1717 г., когда Петр I послал Иоганна Любераса, уже инженер-полковника, в немецкую землю для поиска иностранных специалистов, готовых работать в России. К этому времени Люберас-отец пришел «в худое состояние»: его проекты не находили поддержки при чужих дворах. Иоганн посоветовал отцу, «чтоб оной по своей науке и искал фартун в России и сам о том старался» [Там же]. В это время Петр I находился в заграничной поездке (см.: [Редин, Серов]). В результате переговоров между ним и Люберасом-отцом, посредниками которых выступили его сын, П. И. Ягужинский и А. И. Остерман, они договорились о встрече в Голландии. Однако, по свидетельствам П. Н. Милюкова, барон лично встретился только с П. П. Шафировым [Милюков, с. 428]. Некоторые же исследователи настаивали на личной встрече Любераса-отца и Петра I [Берендтс, с. 5; Peterson, р. 81].

Так или иначе, 1 июля 1717 г. барона Любераса приняли на государственную службу, с одной стороны, «для учреждения и распоряжения коллегий» [АВПРИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 47. Л. 4]. С другой стороны, ему повелели «быть у дел с генералом фельдцейхмейстером господином Брюсом в коллегии берг и мануфактур, писатца ему тайным советником» [РГАДА. Ф. 248. Кн. 521. Л. 84]. В связи с этим ему было велено вместе с сыном окончить «порученные комиссии» – нанимать иностранцев для службы в коллегиях [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2910. Л. 1]. Находясь на российской службе, он долгое время не получал жалование [АВПРИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 46]. И, по всей видимости, это его вынудило занять деньги у «одново берлинского купца» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2910. Л. 1]. Тем временем Люберас составлял проекты «регламентов» и «учреждений» для российских коллегий. С ними он и приехал в Санкт-Петербург в конце 1718 г. Написанные проекты Люберас передал царю, вероятно, через П. И. Ягужинского до его отъезда в Олонец, то есть до 19 января 1719 г. [Милюков, с. 429; РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 171. Л. 92]. Но и позднее он продолжал сочинять

записки касательно коллегиального устройства. Барон Люберас так и не согласился обязаться служить вечно, а в марте 1720 г. принял присягу по особой форме: «ежели капитуляция моя ненарушимо содрана будет, а старость и слабость моя мне допустить, то я обязуюсь... еще 2 года... со всякою верностию и послушенством служить» [РГАДА. Ф. 248. Кн. 654. Л. 119]. Находясь на российской службе около пяти лет и получая солидное годовое жалованье в 5 тыс. рублей, он «сколько мог дочери своей в Силезию посылал» деньги⁶ [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2910. Л. 1]. Сын же его Иоганн после смерти барона в 1722 г. [Воскресенский, 2017, с. 109] «по претензии одново берлинского купца принужден был заплатить 6800 рублей», которые в 1717 г. у него занимал Люберас-отец [АВПРИ. Ф. 2, Оп. 1. Д. 2910. Л. 1].

Непросто сложилась судьба и у записок Любераса. Написанные бароном на немецком языке сочинения, по всей видимости, после его смерти находились у его сына генерал-аншефа Иоганна Людвиг Любераса. После смерти Любераса-сына в 1752 г. сохранившиеся бумаги разобрал его ближайший помощник Абрам Ганнибал [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 171. Л. 114–118]. В результате документы были переданы в Коллегию иностранных дел, а затем в 1795 г. в архив [Архив, с. 53].

Удалось обнаружить три списка переводов «учреждений и регламентов» Любераса [РГАДА. Ф. 16, Оп. 1. Д. 171; Ф. 342. Оп. 1. Д. 227. Ч. 6; РГБ ОР. Ф. 178. Д. 2847]. Э.Н. Берендтс полагал (неизвестно, правда, на основе каких сведений), что переведенные тексты появились в середине XVIII столетия [Берендтс, с. 6]. В архиве Сената удалось обнаружить комплекс проектов Любераса, с которым работали переводчики. В этой сенатской книге перед каждым его сочинением расположены листы с записью перевода названия проекта, указанием количества листов. Там же содержится зачеркнутая надпись: «разобрано в 1773 году», хотя чаще встречается указание только года [РГАДА. Ф. 248. Кн. 1078]. Это позволяет полагать, что переводы сочинений Любераса составлены в середине 1770-х гг. Заметим, что переводчиков записок было несколько, что подтверждается наличием вариантов при переводе терминологии⁷.

В совокупности как оригинальные тексты проектов Любераса, так и отчасти их переводы можно условно разделить на три группы. Прежде всего это сочинения барона, посвященные вопросам внешнеэкономической политики, организации торговли, горного и монетного дела Российского государства [АВПРИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 63, 73, 92 и др.]. Только с некоторыми из них работал П.Н. Милюков, показавший приверженность их автора меркантилизму [Милюков, с. 393–396]. Основываясь на анализе поздних проектов Любераса, историк полагал, что барон сыграл заметную роль в процессе работы

⁶ К примеру, в 1719 г. средняя цена четверти ржи (около 8 пудов) в России достигла 1 руб. [Мустафин, 2017, с. 193].

⁷ К примеру, по разному переводили: «offizianten» – «чиновники» или «официанты» (!); «constitutorium» – «установление», «учреждение» или «конституция».

Берг-мануфактур-коллегии [Там же, с. 451, 521]. Безусловно, эти сочинения барона еще ждут своего исследователя.

Вторая группа источников – это генеральные регламенты и учреждения (установления) коллегий. В последних описывались цель и смысл существования организации и ее состав. Большинство этих документов не датированы, были переведены на русский язык позднее. Уставы же магистратам, Мануфактур-, Коммерц-коллегии остались непереведенными [АВПРИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 77, 78, 79]. К этой группе источников целесообразно отнести и сочинения барона, которые повествуют об основных функциях коллегий и принципах административной реформы. Это упоминавшиеся выше «Реляция...» [РГАДА. Ф. 16. Д. 171. Л. 91–112 об.; АВПРИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 48] и «Всепоподданнейшее разсуждение...» [РГАДА. Ф. 16. Д. 171. Л. 2–20 об.], а также «Письмо к государю Петру I...», перевод которого, вероятно, составлен современником – коллежским асессором Петром Миллером [АВПРИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 47]. Эти сочинения были составлены бароном уже после того, как он написал большинство проектов регламентов. Датировано только «Всепоподданнейшее разсуждение...» 19 марта 1719 г.

Сравнение этих регламентов Любераса с официальными регламентами петровских коллегий не позволяет согласиться с Берендтсом, настаивавшим на их сходстве [Берендтс, с. 20]. Даже формальное сопоставление их структуры показывает, насколько проекты барона менее конкретизированы по сравнению с нормативными актами. Так, написанный им регламент для Адмиралтейской коллегии состоит из 15 пунктов [АВПРИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 60]. Однако только в первой главе первой части официального регламента этого учреждения выделено 112 параграфов [ПСЗ-1, т. 6, № 3937, с. 525–637]. Это, конечно, наиболее яркий пример. Но несколько схожая ситуация наблюдается и при сравнении других документов. В лучшем случае мы можем говорить только о следах влияния идей барона на составление официальных регламентов.

И наконец, рассмотрим группу проектов Любераса, в которых им выстраивалась система коллежского делопроизводства, взаимоотношений между коллегиями и другими институтами государственной власти. В ходе коллегиальной реформы данные аспекты государственного управления отразились главным образом в Генеральном регламенте 28 февраля 1720 г. [ПСЗ-1, т. 6, № 3534, с. 141–160]. Возможно, не случайно среди бумаг Любераса имеется одна из ранних редакций этого документа на немецком языке [АВПРИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 51].

В первую очередь стоит обратить внимание на «Учреждение и регламент как поступать в содержании Государственной и Камор архиве и как хранить прочия канцелярския дела». В этом проекте Люберас предписывал коллежским служащим «при окончании каждого года всякия канцелярския дела с веденными об оных реестрами отдавать в надлежащий архив» [РГАДА. Ф. 16. Д. 171. Л. 88]. Все дела «о наших государственных доходах и приобретениях», то есть из Камер-, Коммерц- и Манифактур-коллегии, необходимо было сдавать в Камерный архив,

а дела остальных коллегий, губернских канцелярий и Тайного совета – в Государственный архив [РГАДА. Ф. 16. Д. 171. Л. 88–88 об.]. Некоторая аналогия прослеживается при сравнении соответствующих пунктов этого документа и петровского Генерального регламента 1720 г., в котором также повелевалось «иметь два архива». В одном «под надзиранием ревизион-коллегии» необходимо было хранить дела, касающиеся прихода и расхода средств, а в другом «под надзиранием иностранных дел коллегии» – все остальные коллежские дела [ПСЗ-1, т. 6, № 3534, с. 156].

В этом и ряде других документов прослеживается пристальное внимание барона к организации работы с документами. «Вступающия подлинныя указы и документы, записав прежде в протокол и журнал, и внесши в книгу точную копию под номером и надписью, класть в шкафы порядочно» – одно из типичных его наставлений [Там же. Л. 87 об.]. В одном из проектов барона содержатся составленные им образцы ведомостей для каждой коллегии (см.: [АВПРИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 56]).

Вопросам организации коллежского делопроизводства, точнее, корреспонденции посвящен «Генеральный регламент о чинении коллегиям и губернским канцеляриям между собою сношения». Барон обязывал при получении писем подтверждать «по первой почте» их получение «и предварительно о деле уведомлять столько, сколько тогда ему известно или сделано будет» [РГАДА. Ф. 16. Д. 171. Л. 85 об.]. При обсуждении же в Сенате 19 марта 1719 г. этой темы предписывалось «на все указы, когда где кто получит, на другой день тотчас отвечать, что оной принят, и по оному что мочно в какое время сделать, или чего не мочно и зачем» [Воскресенский, 1945, с. 228].

Но можно ли утверждать, что идеи Любераса оказали влияние на организацию коллежского делопроизводства и вообще на проведение коллегиальной реформы? Пока неизвестны какие-либо документы, свидетельствующие об обсуждении сочинений Любераса, его регламентов в Сенате, коллегиях, комиссиях и вообще в среде политической элиты. Не удалось обнаружить и каких-либо резолюций и помет в бумагах барона, подтверждающих факт, что кто-либо в правительстве был знаком с их содержанием. Исследователям удавалось только выявить (да и то в редких случаях) определенные аналогии между тем, что Люберас предлагал, и тем, что было реализовано. Однако нельзя исключить, что это просто совпадения. Необходима реконструкция всего законотворческого процесса изучаемого периода. То, что предлагал Люберас, вполне могло быть озвучено в сочиненных другими «прожекторами» записках, которые не сохранились до наших дней.

В литературе выявлены немногочисленные примеры, свидетельствующие о роли Любераса в коллегиальной реформе⁸. Однако труд-

⁸ Представляется, что наилучший пример – это влияние идей Любераса на выработку закона о присяге иноземцев на верность службы от 19 июня 1719 г. (см.: [Берендтс. с. 19; ПСЗ-1, т. 5, № 3392, с. 717]). Эта связь прослеживается более явно, когда мы обращаемся к черновым записям, созданным в Сенате 19 марта 1719 г. [Воскресенский, 1945, с. 227–228].

но согласиться с тем, что барон чересчур запоздал с подачей проектов и, соответственно, не сыграл заметной роли в преобразованиях административного устройства Российского государства [Милюков, с. 429; Некрасов, с. 342]. Заметим, что большинство своих сочинений Люберас представил в конце 1718 – начале 1719 г. Однако реформа государственного устройства продолжалась и в последние годы правления Петра I. Так, после 1720 г. последовала реорганизация Сената, некоторых контор и коллегий, а к моменту смерти императора не было регламентов у Военной, Юстиц- и Ревизион-коллегий [Анисимов, с. 161]. Продолжалась в начале 1720-х гг. работа с материалами Генриха Фика [Воскресенский, 1945, с. 95, 275], одного из главных творцов коллежской реформы [Реформы, с. 34, 53]. Также стоит обратиться к не известному ранее проекту Любераса об учреждении специальной комиссии, которой поручалось сочиненные регламенты заблаговременно направить в Сенат⁹ так, чтобы «неотменно к первому сроку 1720 года, как все коллегии, так губернские канцелярии и судебные места открыты были» [РГАДА. Ф. 16. Д. 171. Л. 22]. Можно предположить, что Люберас был знаком с указом Петра I от 11 декабря 1717 г. о том, что с 1720 г. коллегиям необходимо было управлять новым «маниром» [Воскресенский, 1945, с. 217]. Поэтому вряд ли стоит упрекать барона Любераса, представившего практически за год до этого свои проекты, в промедлении.

Фокус внимания при анализе сочинений Любераса был направлен главным образом на выявление степени влияния его идей на ход проведения коллегиальной реформы в России. Нет оснований отрицать влияние идей барона на реформы Петра I, как и признать его существенным. С одной стороны, Люберас опирался на опыт шведского «государственного домостроительства», с другой – неоднократно советовал учитывать сложившиеся в России порядки, «ибо никакой в свете план не может быть изобретен, который бы во всем положении другого государства мог быть соразмерен» [РГАДА. Ф. 16. Д. 171. Л. 19]. Этот сюжет, как мы видим, не столь актуален для дискуссий о влиянии иностранного опыта на преобразования Петра I, которые нередко приобретали «болезненную» форму и ложный «пафос борьбы за независимость» [Анисимов, с. 102].

Но обратим внимание, что при всей дискуссионности историографии реформ Петра I традиционным для подавляющего большинства исследований «является фокус на роли именно монарха как основной движущей силы преобразований» [Федюкин, 2014, с. 80]. В современной историографии не случайно стало актуальным изучение феномена прожектерства в России. В свете этого подхода, в частности, возможно любое институциональное изменение рассматривать как конкурентный процесс [Федюкин, 2015, с. 13]. Реконструкция

⁹ Только в регламенте этой комиссии упоминается российский Сенат, в том числе в оригинальном тексте [АВПРИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 108].

взаимоотношений между советниками Петра I, в той или иной степени принявшими участие в коллегиальной реформе, требует специального изучения. Однако вряд ли оправданно будет полагать, что между А. Х. Люберасом и Г. Фиком была острая конкурентная борьба, в результате которой последний оказался победителем благодаря тому, что смог тайно вывезти из Швеции множество регламентов и инструкций. Заметим, что Генрих Фик выполнил успешно эту миссию уже в декабре 1716 г. [Прокопенко, с. 335–336]. Возникает вопрос, зачем тогда в середине 1717 г. Петр I нанимает Любераса, который вскоре получает задание подготовить проекты коллегий? Ответ, вероятно, связан с тем, что царя интересовали не только писанные законы передовых государств, но и сведения об их практиках, обычаях и порядках, «ибо всех циркумстанций никогда не пишут» [Воскресенский, 1945, с. 46]. И, как мы видим, его роль прослеживается не столько в составлении официальных регламентов петровских коллегий, сколько в становлении системы коллежского делопроизводства.

Не менее важно рассмотреть сочинения Любераса в контексте истории общественной мысли в России. Отечественные исследователи, сконцентрировав основное внимание на проблеме оригинальности идей русских мыслителей (см. об этом: [Каменский, с. 131–133]), в заметно меньшей степени интересовались сочинениями российских иноземцев (на языке оригинала и в переводах). Весьма же пространные рассуждения Любераса содержат немало идей, которые хотя и не были реализованы в петровское время, позднее стали актуальными.

К таковым относится регламент Камеры о государственных доходах – единственного прожектировавшегося им учреждения, которое выполняло определенные законосовещательные функции. Члены Камеры должны были не только предлагать различные меры к увеличению государственных средств, но и следить за распределением налогового бремени. Люберас критиковал правителей, которые «помышляют токмо о изчислении приобретаемой вперед суммы и никакой разности не делают между стрижением шерсти и снятием кожи с овец» [РГАДА. Ф. 16. Д. 171. Л. 82 об.]. Поэтому предписывал Камере следить за равновесием «в благополучии между нашими подданными и нашим государственным потребным штатом». В связи с этим ей в первую очередь поручалось иметь попечение как «о столь различных и особливых государственных доходах», «количестве потребных средств», так «о состоянии и возможности наших подданных» [Там же. Л. 83]. В российской практике проблема налогового бремени станет актуальной только во второй половине 1720-х гг., когда бывшие сподвижники Петра I в связи с опасениями роста недоимок и бегства крестьян предприняли попытки провести ревизию финансовых реформ. В частности, созданная в 1727 г. Д. М. Голицыным Комиссия о подати впервые попыталась собрать сведения о государственных доходах и расходах [Мустафин, 2016].

Главная проблема, на которую обращает внимание Люберас, это организация учета и сбора статистических сведений. Практически каждой коллегии и конторе поручалось составить ведомости не только о состоянии дел в государстве на момент их создания, но и «ежемесячно и по четвертям года» присылать соответствующие сведения в Дирекционную коллегию. Это учреждение Люберас наделял контрольными функциями, образно характеризуя его как «театр всех наших государственных дел» [РГАДА. Ф. 16. Д. 171. Л. 68 об.]. В свою очередь, Дирекционная коллегия должна была на основе присланных сведений «обо всех сокращенную ясно ведомость» направлять в Тайный совет [Там же]. Таким образом, по мнению барона, процесс принятия политических решений должен был основываться на достаточно полных сведениях о состоянии государства.

Некоторые регламенты Любераса содержали весьма пространный список вопросов. Наиболее яркий пример – это регламент Экономической коллегии, в котором в семи из 12 пунктов барон подробно объяснял, какие сведения нужно собирать о «партикулярном домостроительстве» подданных государства касательно хлебопашества, животноводства, рыбной ловли, лесов, рек, озер, почв и т.д. Также в генеральном регламенте Адмиралтейской коллегии в восьми из 15 пунктов Люберас тщательно перечислял те объекты, которые должны быть описаны ее служащими при составлении ведомостей. Причем в этих сведениях не только характеризовались техническое состояние флота и его личный состав, но и собиралась информация о «подданных, посылаемых в чужие края для обучения наук, нужных для тех, кои определены во флоте» [Там же. Л. 71 об.].

В дополнение к этому заметим, что в проектах Любераса сведениями о ценах на продукты интересовался целый ряд учреждений, а именно Экономическая и Полицейская коллегия, Контора государственных доходов, Ревизион-контора [Там же. Л. 25, 39 об.–40, 58, 64]. При этом Ревизион-контора должна была «смотреть на точность покупной цены и ее курс, с различием лактей, питейных и съестных мер и весов, а в рассуждения точных денег сравнивать цену с различием монеты в приеме и выдаче, также смотреть на курс векселей... наконец делать со всякою исправностию и точностию выкладки и окончательныя оных изчисления» [Там же. Л. 39 об.–40]. Несмотря на то, что в XVIII в. центральные учреждения в России неоднократно составляли «генеральные ведомости» о хлебных ценах, их сведения трудно сопоставимы. Причина этого заключается в том, что указы о присылке сведений о ценах в городах не содержали какие-либо инструкции, которые позволили бы местным чиновникам собрать однородные данные [Мустафин, 2017, с. 196–197]. По крайней мере, Люберас в упоминавшемся регламенте Ревизион-конторы озвучил эту проблему составления точных сведений о ценах на съестные припасы. Однако он явно переоценивал институциональные возможности Российского государства, кото-

рые могли бы позволить организовать сбор различных статистических сведений.

Рассмотренные идеи Любераса расширяют устоявшиеся представления об истории статистической мысли в России. В частности, М. В. Птуха полагал, что первый проект организации статистического органа в России написан был А. А. Курбатовым, предлагавшим в 1721 г. создать Кабинет-коллегиум [Птуха, с. 337]. Петровский «прибыльщик» предлагал «всякия изо всех коллегий перечневья табели и ведомости... дабы содержалися в том правлении» [Павлов-Сильванский, с. 47–48 (6-я паг.)]. Но двумя годами ранее прожектируемая Люберасом Дирекционная коллегия, как отмечалось, должна была выполнять сходную задачу.

Это не единственная параллель между Дирекционной коллегией Любераса и Кабинет-коллегиумом Курбатова. Оба прожектера предписывали служащим нового органа составлять копии всех указов и инструкций для коллегий, делать «частые напоминания» об их исполнении. Вместе с тем, именно Дирекционная коллегия и Кабинет-коллегиум, по задумке своих авторов, должны были принимать жалобы от фискалов и челобитчиков [Павлов-Сильванский, с. 47–48 (6-я паг.); РГАДА. Ф. 16. Д. 171. Л. 67–68 об.]. По мнению Н. П. Павлова-Сильванского, это сочинение А. А. Курбатова является, «в сущности, проектом реорганизации Сената». Исследователь акцентировал внимание на проявившемся в результате реформы Сената 1721–1723 гг. усилении его контролирующей власти, учреждении должности рекетмейстера, сосредоточении в нем отчетности «по всем делам управления» [Павлов-Сильванский, с. 64–65 (4-я паг.)]. Но с учетом сказанного выше, беря во внимание и возможное совпадение, можно предположить, что Люберас, а не Курбатов оказал определенное влияние на реорганизацию Сената.

Итак, можно утверждать, что барон А. Х. Люберас, по всей видимости, повлиял не столько на составление регламентов петровских коллегий, сколько на учреждение в России системы коллежского делопроизводства. При этом его можно по праву считать одним из первых, кто актуализировал проблему организации учета и сбора статистических сведений в России.

Список литературы

АВПРИ. Ф. 2 (Внутренние коллежские дела). Оп. 1. Д. 2910; Ф. 24 (Архив барона Любераса). Оп. 1. Д. 46, 47, 48, 49, 51, 56, 60, 63, 73, 77, 78, 79, 92, 108.

Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.

Архив внешней политики Российской империи : путеводитель. Minneapolis : East View Publ., 1995. 452 с.

Бабурин Д. С. Очерки по истории мануфактур-коллегии. М. : Тип. им. Воровского, 1939. 392 с.

Берендтс Э. Н. Барон А. Х. ф. Люберас и его записка об устройстве коллегий в России. СПб. : Типолит. Р. Голике, 1891. 20 с.

Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I : Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. М. ; Л. : Акад. наук СССР, 1945. 601 с.

Воскресенский Н. А. Петр Великий как законодатель : Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. М. : Новое лит. обозрение, 2017. 640 с.

Каменский А. Б. К вопросу о проблемах и парадоксах изучения истории русской общественной мысли // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления : материалы междунар. науч. конф. Москва, 28–29 октября 2010 г. / отв. ред. В. В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 2011. С. 129–139.

Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). М. : Археограф. центр, 1999. 378 с.

Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. XIV + 678 с.

Мустафин А. Р. «Ведомости одна с другою никакого сходства не имеют»: верификация данных о хлебных ценах в России в XVIII веке // Российская история. 2017. № 2. С. 189–200.

Мустафин А. Р. «Какое облегчение в подушных деньгах крестьянству учинить?»: финансовые реформы в проектах и мнениях второй половины 1720-х гг. // Российская история. 2016. № 2. С. 91–101.

Некрасов Г. А. Учреждение коллегий в России и шведское законодательство // Общество и государство феодальной России : сб. ст., посв. 70-летию акад. Л. В. Черепнина / отв. ред. В. Т. Пашуто. М. : Наука, 1975. С. 334–343.

Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века: промышленная политика и управление. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 536 с.

Павлов-Сильванский Н. П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого : Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1897. [4] + IV + [2] + 141 + [3] + 86 с.

Прокопенко Я. И. «Политический инженер» Генрих фон Фик и феномен реформ Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) : сб. ст. / под ред. М. М. Крома, Л. А. Пименовой. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. С. 323–337.

ПСЗ-1 : в 45 т. СПб. : Тип. II отд. С. Е. И. В. К., 1830.

Птуха М. В. Очерки по истории статистики XVII–XVIII веков. М. : Госполитиздат, 1945. 352 с.

РГАДА. Ф. 16 (Внутреннее управление). Оп. 1. Д. 171; Ф. 248 (Сенат). Кн. 521, 654, 814, 1078; Ф. 342 (Комиссия о сочинении Нового Уложения). Оп. 1. Д. 227.

РГБ ОР. Ф. 178 (Музейное собрание). Д. 2847.

Редин Д., Серов Д. Второе путешествие Петра Первого в Европу в письмах барона П. П. Шафирова князю А. Д. Меншикову (1716–1717) // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 4. № 2. С. 471–502.

Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. : в 4 т. / отв. ред. А. Б. Каменский. М. : РОССПЭН, 2016. Т. 2. XVIII – первая половина XIX в. 429 с.

Федюкин И. И. «Прожектеры» как административные предприниматели : Становление раннемодерных государственных институтов и индивидуальная инициатива // «Регулярная академия учреждена будет...» : Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / под общ. ред. И. И. Федюкина, М. Б. Лавриновича. М. : Новое изд-во, 2015. С. 13–33.

Федюкин И. И. Роль административного предпринимательства в Петровских реформах : Навигацкая школа и позднемосковские книжники // Российская история. 2014. № 4. С. 80–101.

Leontief W. Peter der Grosse: seine Wirtschaftspolitik und sein Angeblicher Merkantilismus // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1937. H. 2. S. 234–271.

Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. Stockholm : A.-B. Nordiska Bokhandeln, 1979. 448 p.

Serov D. O. Dramatic Destiny of Nikolay Voskresensky, a Russian Law Historian // Quaestio Rossica. 2014. № 1. C. 221–240.

References

Anisimov, E. V. (1997). *Gosudarstvennyye preobrazovaniya i samodержavie Petra Velikogo v pervoi chetverti XVIII veka* [State Transformations and Autocracy of Peter the Great in the First Quarter of the 18th Century]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 331 p.

Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii: Putevoditel' [The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire; A Guidebook]. (1995). Minneapolis, East View Publ. 452 p.

AVPRI [The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]. Stock 2 (Vnutrennie kollezhskie dela). List 1. Dos. 2910; Stock 24 (Arkhiv barona Lyuberasa). List 1. Dos. 46, 47, 48, 49, 51, 56, 60, 63, 73, 77, 78, 79, 92, 108.

Baburin, D. S. (1939). *Ocherki po istorii manufaktur-kollegii* [Essays on the History of the Collegium of Manufacturing]. Moscow, Tipografiya imeni Vorovskogo. 392 p.

Berendts, E. N. (1891). *Baron A. Kh. f. Lyuberas i ego zapiska ob ustroistve kollegii v Rossii* [Baron A. Ch. von Luberas and his Memorandum on the Organisation of Collegia in Russia]. St Petersburg, Tipolitografiya R. Golike. 20 p.

Fedyukin, I. I. (2014). Rol' administrativnogo predprinimatel'stva v petrovskikh reformakh. Navigatskaya shkola i pozdnemoskovskie knizhniki [The Role of Administrative Entrepreneurship in the Reforms of Peter the Great. The Navigation School and the Late Moscow Scribes]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2014. No. 4, pp. 80–101.

Fedyukin, I. I. (2015). "Prozhektery" kak administrativnye predprinimateli: Stanovlenie rannemodernykh gosudarstvennykh institutov i individual'naya initsiativa ["The Enterprisers' as Administrative Entrepreneurs. The Formation of Early-state Institutions and the Individual Initiative]. In Fedyukin, I. I., Lavrinovich, M. B. (Eds.) "*Regulyarnaya akademiya uchrezhdena budet...*" *Obrazovatel'nye proekty v Rossii v pervoi polovine XVIII veka*. Moscow, Novoe izdatel'stvo, pp. 13–33.

Kamenskii A. B. (Ed.) (2016) *Reformy v Rossii s drevneishikh vremen do kontsa KhKh v.: v 4 t. T. 2: XVIII – pervaya polovina XIX v.* [Reforms in Russia from Ancient Times to the Late 20th Century: 4 Books. Book 2: 18th – 1st Half of the 19th Century]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 429 p.

Kamenskii, A. B. (2011). K voprosu o problemakh i paradoksakh izucheniya istorii russkoi obshchestvennoi mysli [On the Question of Problems and Paradoxes of the Study of the Russian History of Social Thought]. In Shelokhaev, V. V. (Ed.). *Obshchestvennaya mysl' Rossii: istoki, evolyutsiya, osnovnye napravleniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moscow, 28–29 oktyabrya. Moscow, ROSSPEN, pp. 129–139.

Kozlova, N. V. (1999). *Rossiiskii absolyutizm i kupechestvo v XVIII veke (20-e – nachalo 60-kh godov)* [Russian Absolutism and Merchants in the 18th Century (1720s – Early 1760s)]. Moscow, Arkheograficheskii tsentr. 378 p.

Leontief, W. (1937). Peter der Grosse: seine Wirtschaftspolitik und sein Angeblicher Merkantilismus. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. H. 2, pp. 234–271.

Milyukov, P. N. (1905). *Gosudarstvennoe khozyaistvo Rossii v pervoi chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo* [The State Economy of Russia in the First Quarter of the 18th Century and the Reform of Peter the Great]. 2 Ed. St Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha. XIV + 678 p.

Mustafin, A. R. (2016). "Kakoe oblegchenie v podushnykh den'gakh krest'yanstvu uchinit'?: finansovye reformy v proektakh i mneniyakh vtoroi poloviny 1720-kh gg. ["How can We Relieve the Peasants' Duty in Paying the Tax Poll?"] Financial Reforms in Projects and Opinions of the Second Half of the 1720s]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 2, pp. 91–101.

Mustafin, A. R. (2017). "Vedomosti odna s drugoyu nikakogo skhodstva ne imeyut": verifikatsiya dannykh o khlebnnykh tsenakh v Rossii v XVIII veke ["The Lists Bear no

Resemblance of Each Other”: Verification of Prices for Grain in 18th-Century Russia]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 2, pp. 189–200.

Nekrasov, G. A. (1975). Uchrezhdenie kollegii v Rossii i shvedskoe zakonodatel'stvo [The Establishment of Collegia in Russia and Swedish Legislation]. In Pashuto, V. T. (Ed.). *Obshchestvo i gosudarstvo feodal'noi Rossii. Sbornik statei, posvyashchennykh 70-letiyu akademika L. V. Cherepnina*. Moscow, Nauka, pp. 334–343.

Pavlenko, N. I. (1953). *Razvitie metallurgicheskoi promyshlennosti Rossii v pervoi polovine XVIII veka: promyshlennaya politika i upravlenie* [The Development of the Metallurgical Industry in Russia in the First Half of the 18th Century. Industrial Policy and Management]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 536 p.

Pavlov-Sil'vanskii, N. P. (1897). *Proekty reform v zapiskakh sovremennikov Petra Velikogo. Opyt izucheniya russkikh proektov i neizdannye ikh teksty* [Projects of Reforms in the Memoranda of the Contemporaries of Peter the Great. The Experience of Studying Russian Projects and their Unpublished Texts]. St Petersburg, Tipografiya V. Kirshbauma. [4] + IV + [2] + 141 + [3] + 86 p.

Peterson, S. (1979). *Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms*. Stockholm, A.-B. Nordiska Bokhandeln, 448 p.

Prokopenko, Ya. I. (2013). “Politicheskii inzhener” Genrikh fon Fik i fenomen reform Petra I [“Political Engineer” Heinrich von Fick and the Phenomenon of Peter the Great's Reforms]. In Krom, M. M., Pimenova, L. A. (Eds.). *Fenomen reform na zapade i vostoke Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI-XVIII vv.)*. Sbornik statei. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 323–337.

PSZ-1 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collected. 45 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1830.

Pukha, M. V. (1945). *Ocherki po istorii statistiki XVII–XVIII vekov* [Essays on the History of Statistics of the 17th and 18th Centuries]. Moscow, Gospolitizdat. 352 p.

Redin, D., Serov, D. (2017). Vtoroe puteshestvie Petra Pervogo v Evropu v pis'makh barona P. P. Shafirova knyazyu A. D. Menshikovu (1716–1717) [Peter the Great's Second Voyage to Europe in the Letters of Baron P. P. Shafirov to Prince A. D. Menshikov (1716–1717)]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. No. 2, pp. 471–502.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 16 (Vnutrennee upravlenie). List 1. Dos. 171; Stock 248 (Senat). Book 521, 654, 814, 1078; Stock 342 (Komissiya o sochinenii Novogo Ulozheniya). List 1. Dos. 227.

RGB OR [Russian State Library. Department of Manuscripts]. Stock 178 (Muzeinoe sobranie). Dos. 2847.

Serov, D. O. (2014). Dramatic Destiny of Nikolay Voskresensky, a Russian Law Historian. In *Quaestio Rossica*. No. 1, pp. 221–240.

Voskresenskii, N. A. (1945). *Zakonodatel'nye akty Petra I. Redaktsii i proekty zakonov, zametki, doklady, donosheniya, chelobit'ya i inostrannye istochniki* [Legislative Acts of Peter I. Editions and Drafts of Laws, Notes, Reports, Petitions, and Foreign Sources]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR. 601 p.

Voskresenskii, N. A. (2017). *Petr Velikii kak zakonodatel'. Issledovanie zakonodatel'nogo protsessa v Rossii v epokhu reform pervoi chetverti XVIII veka* [Peter the Great as a Legislator. The Study of the Legislative Process in Russia in the Era of Reforms of the First Quarter of the 18th Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 640 p.

The article was submitted on 12.06.2017